

«...Есть у нас Глинка, и есть у нас Глазунов, — родники необычайно счастли-

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. К. ГЛАЗУНОВА

лись хранителями великих традиций искусства XIX столетия. Каждый из них вырос и сформировался на ба-

РОДНИК СКАЗОЧНОЙ ЖИВОЙ ВОДЫ

зе разных течений и стилей русской классической музыки. Объединяясь и взаимовлияя, эти стили порождали новое

качество, неповторимое по новизне и национальной характерности. К тому же Глазунов был ярким противником нарождающегося модернизма. Сборник заветов великих деятелей прошлого, сторонник музыки для народа, для массовой аудитории, проповедник глубоких гуманистических идеалов, он органически не принимал всяких ложных изысков, оригинальничания, противился всему уродливому, что так характерно для эпигонов модернизма. Чувства и мысли — благородные и красивые — вот содержание творчества Глазунова, имеющее для нас непреходящую ценность.

Но только ли творчеством ограничивается деятельность этого замечательного человека? Можем ли мы в дни юбилея забыть о нем как о дирижере, пропагандисте всего нового и прогрессивного в русской музыке начала XX века? Можем ли забыть о нем как о педагоге, воспитателе целой плеяды музыкальных деятелей, явившихся строителями новой советской культуры? Глазунов — первый директор Петроградской консерватории, чуткий и добрый наставник, гениальный композитор и замечательный интерпретатор — вот каким он памятен для нас и таким останется дорог для будущих поколений.

Г. ЯКОВЛЕВ.

достижения Глазунова не нашли еще пути к сердцам слушателей.

Удивительной красотой обогатил Глазунов русское искусство. Ни с чем не спутаешь столь своеобразную по стилю глазуновскую кантатену. В ней запечатлено уравновешенное, светлое мировосприятие, видятся поэтические пейзажи родины, широкие и раздольные степные просторы, и рядом — богатырский размах мужественных тем, в которых слышатся отзвуки героических деяний народа, отражено величие его истории. Желая обвинить композитора в эклектизме, многие расчленяют монолитное целое его сочинений на отдельные, разрозненные фрагменты, где слышатся влияния Глинки и Бородина, Чайковского и Римского-Корсакова.

Но в этой «многоосновности» творчества, в обилии стилистических вехий, объединенных в самобытную музыкальную речь, Глазунов неповторим и своеобразен. Он — дитя своего времени, своей эпохи. Как не сравнить его здесь с Танеевым, Рахманиновым, Скрябиным, которые (как и он) на рубеже XX века яви-

спенте, где работал Кириллов. Было сделано три фотоснимка — последние изображения композитора на родине. Позднее, когда А. К. Глазунов приезжал в Ригу, Кириллов, работавший фотографом в буржуаз-

в одном из прибалтийских городков. Воспоминанием о друге осталось около тридцати фотографий А. К. Глазунова, большая часть до сего времени не опубликована. Старому фотографу удалось со-

стеклянных негатива — последние снимки А. К. Глазунова на родине. Один из них мы воспроизводим.

Памятью о выдающемся русском композиторе у фотографа-ветерана осталось и несколько автографов Александра Константиновича на фотокартонках. На одной композитор написал: «Талантливому фотографу-художнику, прекрасному человеку Гавриилу Кирилловичу Кириллову в память о нашей первой встрече на концерте в Павловске», на другой, относящейся уже к 1925 году: «Искренне преданный и глубоко признательный А. Глазунов». И. ПИККИЕВ.

ЛЕНИНГРАД.

Александр Константинович Глазунов, фотография сделана в Ленинграде в 1928 году, перед отъездом композитора за границу. Публикуется впервые.

РЕДКИЕ ПОРТРЕТЫ КОМПОЗИТОРА

ни Гавриилом Кирилловым. А. К. Глазунов высоко ценил искусство своего молодого друга, и последний стал его постоянным фотографом. Он снимал композитора и дома — за роялем, с матерью, друзьями, и в консерватории, и в теа-

тре, и в концертных залах среди участников, учеников.

В 1928 году незадолго до того, как тяжело больной Глазунов должен был выехать для лечения за границу, он пришел в фотоателье на Невском про-

ной Эстонии, приезжал повидаться с другом, вспомнить петербургские встречи — композитор тогда очень стеснялся по родине, однако новых фотографий тогда сделать не удалось... Сейчас 74-летний Г. К. Кириллов работает

хранить эти реликвии, несмотря на бурные события, которые пережил он за последние 45 лет. В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистские захватчики разгромили мастерскую Кириллова. Чудом уцелели три

ликопелные его сочинения знают даже не все музыканты. Впрочем, если и знают, то пытаются своим исполнением «улучшить» эту якобы «устарелую» музыку.

Слишком часто приходится сталкиваться с тем, что Глазунова исполняют в чуждой ему манере. Придыхания, замирания, ускорения, замедления, перманентное рубато — все это претит истинному духу его творчества, искажает замысел сочинений, всегда ясных и предельно стройных по своей архитектонике.

Печально, что в юбилейные дни об этом приходится писать. Но ведь бесспорно, что именно из-за неверной интерпретации огромные художественные

Летом 1918 года А. К. Глазунов дирижировал симфоническим оркестром в Павловске. После концерта к нему подошел молодой человек и на ломаном русском языке робко попросил разрешения его сфотографировать. В тоне юноши было столько простоты и непосредственности, что усталый дирижер не смог ему отказать.

Портрет очень понравился Александру Константиновичу, и с того дня установились самые дружеские отношения между выдающимся русским композитором и начинающим эстонским художником-фотографом дипломантом Высшего института фотографии и фототехни-

вой музыки, какие-то голубые озера холодной душистой воды, окунувшись в которую, выходишь как из объятий сказочной живой воды». Не случайно Луначарский поставил рядом эти два славных имени. Необычайно цельное, гармоничное восприятие мира, заставляющее вспомнить древнюю Элладу и итальянское Возрождение, было общим для двух великих русских музыкантов. Более того, оно сближало их с солнцем русской поэзии — Пушкиным. В русской музыке не было художников, более пушкинских по самой своей сути, по своему духу, нежели Глинка и Глазунов. Но гениальный основоположник русской классической музыки был первооткрывателем, жил и творил в иной исторической обстановке, чем Глазунов, чье творчество завершает собою целую эпоху.

Неизменным творческим эпиграфом Глазунова всегда оставались знаменитые пушкинские слова «Да здравствует солнце, да скроется тма!».

Жизнелюбие и глубокий, не внешний, не парадный оптимизм, это подлинное пушкинианство Глазунова недостаточно оценены, и многие ве-